

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ РАН
МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им. М. В. ЛОМОНОСОВА

**НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ
А.П.СМИРНОВА
И СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ
АРХЕОЛОГИИ ВОЛГО-КАМЬЯ**

**Сборник тезисов докладов конференции,
посвященной 100-летию со дня рождения
Алексея Петровича Смирнова**

Москва
1999

Конференция проводится при поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
проект № 99-01-14020

Ответственный редактор
кандидат исторических наук И.В. Белоцерковская

20–24 апреля в Москве в Государственном Историческом музее состоится конференция, посвященная 100-летию со дня рождения замечательного ученого и человека, крупного организатора науки и музейного дела, талантливого полевого исследователя и педагога, создателя научной школы, доктора исторических наук, профессора, заслуженного деятеля науки и культуры Татарской и Чувашской АССР Алексея Петровича Смирнова (родился 29 мая 1899 г.). Программа конференции составлена с учетом широких научных интересов А.П.Смирнова и включает доклады, посвященные проблемам археологии Волго-Камья начиная с эпохи бронзы и вплоть до времени существования Золотой Орды. Доклады содержат анализ научного наследия А.П.Смирнова и современные разработки отдельных проблем археологии, в том числе методами естественных наук.

Научные работники более чем из 25 учреждений – музеев, Академии наук, НИИ, университетов, из 15 городов России сочли своим долгом принять участие в конференции, посвященной одному из наиболее уважаемых представителей замечательной плеяды российских ученых, наметивших пути развития современной археологии.

В IX–X вв. буртасы подчинялись хазарам и жили севернее их. Языческие южно-мордовские могильники VIII–X вв. отразили этнокультурные контакты с какими-то группами населения салтовомаяцкой культуры (Хазарский каганат). С 1596 по 1684 гг. буртаские селения неоднократно упоминаются в писцовых документах по Темниковскому и Алатырскому уездам, как расселенные среди мордвы. Среди исследователей почти нет споров о том, что в конечном итоге они вошли в состав татар-мишарей. Но тезис об изначальной тюркоязычности буртасов IX–X вв. вызывает сомнение, т. к. арабские географы отмечали, что язык у них иной, чем у хазар и болгар. В то же время источники подчеркивают сходство языка хазар и болгар. Е. П. Казаков полагает, что пензенские памятники болгарского типа были оставлены группой болгар Хазарского каганата, не дошедшей до основной территории Волжской Болгарии после разгрома его русами в 60-е гг. X в. Тогда в Волжскую Болгарию в массовом порядке переселялись группы населения, которые принесли новые элементы высокоразвитого хозяйства, во многом определившие общепензенскую культуру. На данном этапе представляется преждевременным отождествление пензенских памятников болгарского типа с буртасами письменных источников.

Е. Ф. Герман (Ижевск, Госуниверситет)

Погребальные лицевые покрытия памятников Прикамья

Одной из интереснейших категорий материальной и духовной культуры средневекового населения Волго-Камья являются погребальные лицевые покрытия. В связи с накоплением материалов вопросы их типологии, хронологии, времени появления в регионе, этнической принадлежности требуют нового осмысления.

Археологически прослеживаемые погребальные лицевые покрытия состояли, как правило, из двух частей: металлической, часто серебряной с позолотой, плоской личины-накладки с прорезями для глаз и рта и подкладки под нее, состоявшей из сплошного куска ткани, преимущественно шелка.

Тип I. Маски-очки. Подтип 1. Маски, сделанные из листового золота или серебра с прорезями для глаз в форме карнавальных

очков, иногда с точечным орнаментом вокруг глазных отверстий (Горбуняцкий, Верх-Саинский, Деменковский могильники). *Подтип 2.* Наглазники, нагубники. Изготовлены из золота или серебра. Чаще всего наглазники или нагубники — это прямоугольной формы пластинки с прорезами для глаз и рта (Стерлитамакский, Бродовский и Большетиганский могильники).

Тип II. Маски-личины. Маски состоят из пластинчатых серебряных личин овальной, реже подпрямоугольной формы с прорезами для глаз и рта и небольшой рельефной выпуклостью для носа. По краям масок есть небольшие отверстия для пришивания (Плесинский, Танкеевский, Мало-Аниковский, Баяновский, Рождественский, Загарский и Стерлитамакский могильники, камень “Святик”, две маски из коллекции Теплоуховых).

Тип III. Маски-накладки. Состоят из металлических (чаще всего, бронзовых) пластин, преимущественно подпрямоугольной формы, которые нашивались на ткань в области глаз, реже рта погребенного (Большетиганский могильник).

Тип IV. “Бляхи”. Тип выделен Е.П.Казаковым и представлен крупными круглыми подвесками-бляхами, входившими в состав нагрудных украшений. Возможно, что некоторые предметы могли входить в лицевые покрытия, но в исключительных случаях (Селянино озеро, Кишертский, Пылаевский, Азметьевский I, Кушулевский, Такталачукский и Дербешкинский могильники).

Погребальные маски I типа в Прикамье относятся к VIII в. и связывают с племенами неволинской и ломоватовской культур. Тип II известен в ломоватовско-родановских могильниках и у ранних волжских болгар, датируется VIII—X вв. Наиболее поздний, III тип, — IX—X вв. Последний, IV тип, выделен условно и соотносится с древностями кишертского круга и чияликской культуры XI—XIV вв., связываемыми с угорскими племенами. Именно этот факт и позволил Е.П.Казакову отнести эту черту погребальной обрядности к угорской. Вместе с тем, аналогии известны и среди причерноморских древностей. Нам представляется, что решение вопроса об этнической принадлежности масок следует рассматривать в тесной связи с их ролью в погребальном культе, что, вероятно, позволит уточнить их место среди этно- и культуроопределяющих признаков.